

Через 45 минут Лу Линь прибыл в городскую больницу №2.

Через маленькое окошко в двери палаты, он убедился, на кровати лежал Янь Хэцин.

“Что с ним?” — спросил он у врача.

Голос был спокойным, но в нём слышалась естественная властность, будто профессор пришёл обходить палаты.

Молодой врач по инерции начал объяснять: “У пациента наблюдается рефлекторный обморок. Возможно, он испытал сильный стресс или дискомфорт, что привело к чрезмерной реакции нервной системы. Временное расширение сосудов, замедление сердечного ритма, в результате чего снизилось давление и кровоток в мозге...”

Заметив вопросительный взгляд медсестры, молодой врач тут же прервался. Опомившись, он слегка смутился и пояснил проще: “Проще говоря, он перенёс сильное эмоциональное потрясение. Плюс у него ослаблен организм и простуда. Это не опасно.

Нужно просто отдохнуть, восстановиться, и молодой организм быстро придёт в норму. Также у него синяк на спине, вероятно, ударился обо что-то твёрдое. Но это тоже не критично, без повреждений костей и мышц. Главное, в ближайшее время избегать физической нагрузки. Сейчас он отдыхает, когда проснётся сможет идти домой”.

Лу Линь кивнул и повернулся к молодой медсестре: “Как пройти к кассе?”

Медсестра сразу же пошла вперед: “Пожалуйста, следуйте за мной”.

Молодой врач наконец-то с облегчением вздохнул и ускорил шаг в сторону кабинета.

Когда они подошли к кассе, кассир бросил взгляд на Лу Линя и про себя тихо цокнул языком. Один вид этого мужчины — одежда, осанка — говорил о том, что он либо богат, либо влиятелен. Кассир взял бумагу, застучал по клавиатуре и, натянуто улыбнувшись, сказал:

“Сейчас есть свободная одноместная палата, без записи. Две тысячи за ночь. Менять?”

“Обычную”, — ответил Лу Линь.

Улыбка кассира немного поблекла, мысленно он беззвучно выругался: Такой богатый, а такой жадный. Даже на отдельную палату пожалел. Говорят, что богатые — самые скупые, и не зря! Он быстро пробил оплату, распечатал квитанцию и, уже без прежней любезности, передал ее через окошко.

Лу Линь взял квитанцию и повернулся, чтобы вернуться в палату. Краем глаза он заметил, что медсестра все еще идет рядом, и остановился: “Что-нибудь ещё?”

Медсестра тоже резко остановилась, сама немного растерялась. Просто машинально шла за ним... Прижав к груди медкарту, она быстро замотала головой: “Н-нет, ничего!”

Лу Линь двинулся дальше и вошел в лифт.

Палата была на третьем этаже. Общая, с несколькими койками, стоимостью сто юаней в день. Лу Линь открыл дверь и вошел. Из всех пациентов только Янь Хэцин еще не проснулся. Его кровать стояла в самом углу, у окна.

Остальные пациенты и сопровождающие тихо беседовали или играли в телефоны. Время от времени кто-то украдкой бросал взгляд на Янь Хэцина. Мальчик был слишком красив, не похож на остальных. Даже лежа, с открытым лишь наполовину лицом, он сразу привлекал внимание.

Когда Лу Линь вошел в палату, сразу несколько, шесть-семь взглядов, обернулись на него.

Длинное кашемировое пальто, под ним строгий, элегантный костюм-тройка, сразу заслони́л свет от потолочной лампы. Рост почти метр девяносто, острые черты лица, прямая линия подбородка, холодный и властный вид. Он совсем не вписывался в простую больничную атмосферу.

В палате тут же воцарилась тишина. Один из мужчин, смотревший видео, поспешно выключил экран.

Все затаили дыхание, наблюдая, как Лу Линь подошел к койке того самого красивого подростка.

Он сразу же задернул шторку вокруг кровати Янь Хэцина, полностью отгородив его от посторонних глаз.

Пространство стало тесным, свет от лампы исчез за тканью, лишь с улицы пробивался тусклый свет фонаря. Лу Линь посмотрел на Янь Хэцина.

Это был уже второй раз, когда он видел Янь Хэцина лежащим на больничной койке.

На этот раз на нём не было больничной пижамы. Сняли только пальто. Как всегда, он был бледен и хрупок, на тонкой длинной шее четко проступали синеватые кровоподтеки. Видимо, ему было очень плохо. Даже во сне его брови были крепко сведены от боли.

Лу Линь чуть наклонился, медленно протянул руку к его сдвинутым в тревоге бровям. Когда пальцы почти коснулись, он внезапно остановился.

Смотря на этого слабого подростка с закрытыми глазами, он согнул пальцы... и все-таки отдернул руку.

□□*

Янь Хэцин спал крайне беспокойно.

Во сне перед его глазами мелькали черно-белые кадры, словно старая киноплёнка, чёткие и одновременно размытые.

Наконец в снах появились краски: под деревом, усыпанным яркими красными цветами-фонариками, звучала мелодия тихого ручья. Мимо его уха пронеслась веерная ладонь. Ветер от веера был прохладным, с привкусом покоя. Он прижался к этой тёплой и нежной руке и заснул, даже в жару не желая отпустить её.

Но вдруг цветы-фонарики внезапно вспыхнули, словно метеоры, падающие с неба, принося с собой огненные языки пламени.

Дом тоже загорелся. Пламя ярко полыхало, окрашивая небеса в пугающий красный цвет. Он стоял на месте и мог только плакать. Та рука снова обняла его, прижала к себе: тёплая, надёжная, как поток ручья, сильная и ласковая.

“Не бойся, малыш, мама тебя защитит”.

Он вцепился в мамины объятия, но не мог почувствовать даже капельки её тепла, лишь ледяной холод, бесконечный и неумолимый.

“Мама!” — раздался его отчаянный, разрывающий сердце крик, эхом разносясь со всех сторон.

Его длинные ресницы дрогнули, и Янь Хэцин резко распахнул глаза.

Вокруг было не слишком тихо, со всех сторон доносился храп, тяжёлый, как гром. Сознание понемногу возвращалось. Первое, что он увидел, — это мутная белизна, постепенно становившаяся чёткой... и затем лицо... лицо...

Знакомое лицо.

Янь Хэцин тихо смотрел, долго не двигаясь.

Первым заговорил Лу Линь: “Голоден?”

Янь Хэцин открыл рот, и голос у него был таким хриплым, что едва слышался: “Не голоден”.

Он оперся рукой о слегка жёсткую койку и медленно сел. В его светлых глазах ещё оставалась тонкая дымка, как утренний туман осенью, ещё не рассеявшийся.

Лу Линь наклонился и помог ему приподнять подушку.

Когда спина оперлась о мягкую подушку, Янь Хэцин всё равно поморщился. Боль слабо отразилась в движении бровей.

“Спасибо”, — тихо сказал он.

Лу Линь взял с тумбочки термос: новый, самый обычный, какой часто продают в маленьких лавках возле больниц. Он открутил крышку, перевернул — там оказался простой пластиковый стаканчик. Лу Линь налил в него полстакана горячей воды и передал Янь Хэциню:

“Попей немного”.

Янь Хэцин действительно сильно хотел пить. Он взял стакан и отпил глоток. Вода была не горячей, как раз комфортной температуры. Она приятно прошла по пересохшему горлу, мгновенно смягчив неприятное ощущение. Янь Хэцин выпил всё до дна. Лу Линь протянул руку, чтобы взять стакан обратно: “Ещё хочешь?”

Янь Хэцин слегка покачал головой, даже это движение давалось с трудом. Он поднял взгляд на Лу Линя: “Господин Лу, а вы почему здесь?”

В глубине глаз Лу Линя сквозили тёмные, глубокие волны эмоций. Он закрыл термос: “Ты был без сознания. Больница уведомила меня”.

На лице Янь Хэцина не отразилось ни капли удивления. Он чуть улыбнулся — эта лёгкая улыбка немного оживила его бледное лицо: “Опять побеспокоил вас”.

На тумбочке рядом с кроватью лежал телефон. Янь Хэцин взял его и посмотрел на экран: было уже одиннадцать вечера. Его губы пересохли, он их сжал, затем снова посмотрел на Лу Линя: “Я в порядке. Можете идти домой отдыхать”.

Но Лу Линь не двинулся с места: “Снова сразу выпишешься, как в прошлый раз?”

В прошлый раз, когда Янь Хэцин попал в больницу, после того как Лу Линь ушёл, вскоре ему

позвонили из больницы: Янь Хэцин уже оформил выписку.

На этот раз Янь Хэцин покачал головой: “Нет. Мне некуда идти”.

Лу Мучи не сможет до него дозвониться. Наверняка отправится к нему домой. А Янь Хэцин сейчас чувствует себя плохо и возвращаться не собирается.

Это ведь обычная палата. Ночь здесь стоит около ста юаней, дешевле, чем в гостинице.

Взгляд Лу Линя потемнел: “Кредитор поджидает у двери?”

Ресницы Янь Хэцина дрогнули. Он чуть замешкался, а потом с лёгкой улыбкой кивнул:

“Можно сказать и так”.

Пока они разговаривали, храп в палате становился всё громче, будто кто-то устроил состязание: один замолкал, другой вступал, и всё это звучало почти как симфонический оркестр.

Лу Линь на мгновение задумался, затем взял аккуратно сложенное пальто и протянул его Янь Хэциню: “Пойдём”.

Янь Хэцин слегка опешил: “Куда?”

“Ко мне домой”.

*

Лу Линь подъехал к главному входу больницы и только тогда позвонил Янь Хэциню, чтобы тот вышел.

Несмотря на поздний час, в холле больницы ещё были люди. У кассы стояла небольшая очередь. Когда подошла очередь Янь Хэцина, он оформил выписку. К счастью, в этот раз обследование, лекарства и стоимость пребывания обошлись чуть больше 300 юаней — в пределах его возможностей.

Он аккуратно сложил квитанцию и положил в карман, взял пакет с лекарствами и направился к выходу. Издали он заметил серебристо-серую машину — Лу Линь сегодня был на другой.

Он ускорил шаг.

Подойдя к пассажирской двери, Янь Хэцин немного замешкался. Он не знал, как открыть такую машину, раньше таких не видел и не заметил ручки. В этот момент дверь открылась сама.

Только тогда он сел в салон. Внутри было тепло, работал обогрев. Когда дверь захлопнулась, Лу Линь завёл машину и спокойно сказал: “Машина не моя, одолженная. Эти скрытые дверные ручки — самое бесполезное, что придумали”.

Янь Хэцин вдруг вспомнил один случай.

Он никогда раньше не играл в хоккей — это слишком дорогое развлечение, у него не было возможности. Лу Мучи однажды повёл его на каток и купил ему точную копию снаряжения, как у Линь Фэнчжи, велел надеть. Янь Хэцин ничего не умел, и, едва ступив на лёд, сильно упал.

Лу Мучи вышел из себя и несколько раз пнул его:

“Ты, мать твою, идиот? Даже кататься не умеешь! Ты ему и в подмётки не годишься, даже волосинки с его головы не стоишь!”

Несмотря на защиту, Лу Мучи попал по животу коньком, и травма заживала целый месяц.

Янь Хэцин опустил голову, уставился на носки обуви. По всей видимости, когда Лу Мучи его толкал, наступил ногой. На белом кроссовке остался отчётливый след подошвы.

Вдруг он спросил: “Господин Лу, у вас дома есть щётка для обуви и мыло?”

Через десять с небольшим минут Лу Линь нашёл ещё работающий маленький супермаркет. Он припарковался у дороги. Когда Янь Хэцин собрался выйти, Лу Линь его остановил: “Сиди в машине, не выходи”.

Он сам вышел, и вскоре вернулся с покупками. Помимо щётки и мыла, он купил ещё набор туалетных принадлежностей.

И ещё одну упаковку...

Конфет?

Лу Линь, не отрывая взгляда от дороги, спокойно сказал: “Съешь после того, как примешь лекарство”.

Янь Хэцин опустил взгляд на блестящий фантик от конфеты — это были те самые прозрачные фруктовые леденцы, завернутые в сияющую, радужную обёртку. Одного взгляда было достаточно, чтобы представить себе их сладкий фруктовый вкус.

Принять горькое лекарство, а потом съесть конфету...

Должно быть, это и есть счастье.

Янь Хэцин слегка задумался.

Прошло ещё полчаса, прежде чем Лу Линь свернул в подземную парковку. Янь Хэцин мельком взглянул наружу — это было самое дорогое здание в центре города.

Когда он ещё жил в семье Янь, Янь Шэнбинь каждый раз после проигрыша в азартных играх, возвращаясь домой пьяный и пошатываясь, всю ночь бубнил, как, стоит только выиграть, сразу купит огромную квартиру с видом на реку именно в этом здании.

Лу Линь припарковал машину, первой открыл пассажирскую дверь со стороны Янь Хэцина, только потом отстегнул ремень и вышел сам.

От парковочного места до лифта было всего несколько шагов. Лу Линь приложил палец к сканеру. Его квартира находилась на самом верхнем этаже.

Лифт был просторный, светлый и ехал вверх очень быстро. Как только двери распахнулись, Янь Хэцин оказался прямо у входа в квартиру Лу Линя. Всё было оборудовано системой “умный дом”. Едва лифт открылся, по всей квартире автоматически загорелся свет.

Лу Линь открыл шкаф для обуви, достал пару одноразовых тапочек и протянул Янь Хэциню.

“Спасибо”, — принял тот.

Лу Линь снял пальто, аккуратно повесил его и переобулся, после чего направился в спальню:

“Располагайся, как удобно”.

Янь Хэцин тоже снял куртку и повесил её на соседний крючок. Пройдя немного вперёд, он осмотрелся. Обстановка квартиры соответствовала самому Лу Линю: сдержанная, лаконичная, но в каждой детали ощущалась дороговизна.

В гостиной стоял комплект кожаной мебели с полным обхватом. Янь Хэцин бросил взгляд на свою одежду. Он в ней только что лежал в больничной палате, и потому всё же не стал

садиться. Он просто поставил пакет с лекарствами и сумку с туалетными принадлежностями на кофейный столик.

<http://bllate.org/book/15726/1407452>